

Татьяна
ВОРОНЕЦКАЯ

Леонид
Дилатов

ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ
О ЖИЗНИ

Татьяна Владленовна Воронцовская
Леонид Филатов.
Забывшая мелодия о жизни
Серия «Мужчины, покорившие мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139850

*Леонид Филатов. Забывшая мелодия о жизни / Т.В. Воронцовская:
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906880-84-0*

Аннотация

Леонид Филатов наделен многими талантами. Замечательный артист театра и кино, он и незаурядный режиссер, поэт, рассказчик. И сейчас в это беспорядочное, жестокое время, когда славное прошлое нашего отечества вымарывается, а ложь стала нормой поведения, Леонид Филатов своими авторскими телепередачами «Чтобы помнили...» возвращает нас к подлинным ценностям родного кино.

Многогранная личность мастера раскрывается в этой книге.

Содержание

Время личности[1]	5
Судьба поколения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Татьяна Воронецкая
Леонид Филатов.**

Забытая мелодия о жизни

© Воронецкая Т. В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

*** * ***

Время личности¹

«...У меня ощущение, без кокетства, что я как бы не из тех людей, которые родились артистами. Я не родился, я сделался. Поэтому у меня все время такое чувство, что рядом с моей судьбой есть еще не сбывшаяся, не знаю что... Не думаю, чтобы это было писательство в чистом виде, нет. Не думаю, чтобы это была режиссура, я никогда этим не занимался! Но я думаю, что это не актерство...»

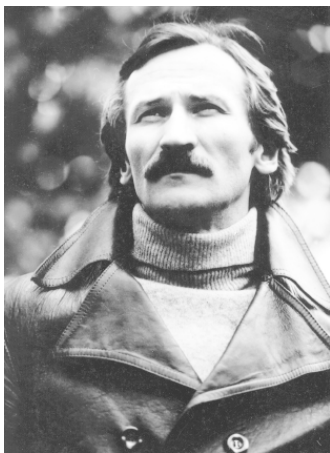
Вот уже XXI век – 2002 год, – и я снова возвращаюсь к человеку, который очень много определил в моей судьбе, – Леониду Филатову.

Последние десять лет были очень не просты для Леонида. Он становится режиссером кино... Леня уходит из театра Любимова. Конфликт на Таганке. Тяжелая, внезапная болезнь. Борьба за жизнь. Леня пишет много и интересно, выходят его новые сказки, стихи, пьесы. Он возвращается в театр и в кино, но уже как драматург.

Еще десять лет назад я вспоминала слова Леонида, что актерство – это не его жизнь. Он чувствовал это, когда был в зените своей актерской славы. Для нас, зрителей, Леня и актер, и режиссер, и писатель, удивительная звезда русской культуры, потому что мы ему верим. То, что было написано

¹ Книга писалась, когда Л. Филатов был еще жив.

о Лене, не теряет своей актуальности и сегодня, а встреча с людьми, окружающими его, вновь, спустя десять лет позволит дать объем Времени, очень не простого не только для Филатова, но и для всех нас.

*«О, радость первозданных откровений!
О, сложность настоящей простоты!»*

Трудно сказать, кем бы стал Леонид Филатов, – наверное, все же человеком искусства, в нем сильно желание сказать о своем времени, понять что-то в нем, в себе, в других и высказать в любых формах – в театре, в кино, на телевидении, в стихах, сценариях, пьесах...

Каким должен быть современный артист? Какова его мис-

сия в современном мире? Этот вопрос невольно перекликается с другим, не менее важным: кто сегодня герой нашего экрана, а еще точнее – нашего времени?

Сегодня мы интересны себе в истории. Время переосмысления – это время личности. Личность всегда несет в себе, как в капсуле, осознание конфликтности времени, его противоречия. В XX веке нами утрачено ощущение целостности мира, ощущение себя. Люди Ренессанса – редкость, они исключение, а не правило. Раздвоенность нашего времени усугубилась коллизиями отечественной истории – культом личности Сталина и вытекающей отсюда трагедией народа, а также периодами оттепели и застоя. Часто мы обретаем целостность, приходим к ощущению истории через яркую, интересную личность в искусстве, которая, выявляя противоречия времени, обнаруживая их, дает возможность осмысления, очищения. Особое значение приобретает личность в искусстве. Такими были А. Тарковский, В. Высоцкий, В. Шукшин... Они спасали нас от раздвоенности, оставляя ориентиры во времени.

В чем феномен современной актерской личности? Возможно ли авторское начало в актерской игре? Современный актер – это не феерия перевоплощения. Его авторство, его личность складываются из духовного потенциала, четкой гражданской позиции, интеллекта плюс виртуозного владения профессией. Только при наличии этих качеств можно стать определенным выразителем времени, автором своей

роли.

«...Я знал поразительного по мастерству актера, который мог сыграть все, – говорит в одном из интервью Леонид, – даже, к примеру, воду, стул, телефонную книгу... Это был гениальный инструмент в руках других. Однако ремесла недостаточно, нужно иметь что сказать...»² За этим «что сказать» – напряженная работа человеческой души. Самосжигание, уносящее жизнь, здоровье, обнажающее нервы, но дающее ощущение пульса времени. Для Филатова его личная жизнь неотделима от жизни театра, от съемок в кино, от творческого процесса, который не кончается с концом рабочего дня, а поглощает его целиком, определяя существование.

Наше время – время особенного жизненного ритма. Катастрофически не хватает свободного времени, постоянная спешка, гонка, в которой исчезает самое главное и невозполнимое – духовность. В этом-то и заключается трагизм современной жизни. Своеобразный парадокс – чем больше ты хочешь успеть, тем меньше остается времени пополнять то, что расходуешь.

Леонид Филатов живет в спешке, как и многие другие люди искусства. Спешит играть в театре, сниматься в кино, на телевидении, выступать в концертах, писать стихи, пьесы, сценарии. Много замыслов, творческих желаний, которые не отпускают его, не дают передохнуть. Начинаешь жить, рас-

² Буряков В. Такая капризная профессия / Неделя. 1985. № 51.

трачивая то, что когда-то накопил. Филатов – художник по своему мироощущению, по своей удивительной ответственности за все происходящее. Что же спасает его от, казалось бы, неминуемого кризиса, когда хочешь сыграть, отдать, но уже не можешь, да и нечего. Спасает удивительное качество, которое определяет его человеческое существо, – пылкость, искренность души и ума, равнодушие ко всему происходящему вокруг. Ему интересно жить, поэтому любой процесс, в котором он участвует, как бы восполняет его духовные силы. Юрий Любимов определил Филатова очень точно: «Он живой, с ним интересно работать...» Часто современных актеров обвиняют в том, что они в своих работах одни и те же. Нет чуда перевоплощения! Однако для современного актера главным становится не степень неузнавания, а умение в разных ролях сохранить верность своему мироощущению. Важным становится не только твоя актерская тема, но и твоя личность. «Соответствовать себе самому, тому, что исповедуешь, прежде всего в человеческой, а не только в творческой твоей биографии» (Л. Филатов). Не соответствовать – значит где-то лгать, или на сцене, или в жизни.

На одной из репетиций «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина Юрий Любимов повторит давно известную истину: «... в искусстве лгать – это ужасно, если ты чуть соврал – все видно, никакое мастерство не поможет...» Филатов всегда соответствует себе. Отсюда удивительная правдивость, искренность, полная отдача роли. Мы слишком долго в чем-

то «не соответствовали», так складывалась жизнь нашего общества, тоска по соответствию, явная или неосознанная, определяла выбор наших героев. Они становились выразителями современности и образа современника в искусстве и в жизни. Поэтому все, что делает Леонид Филатов, даже в так называемых средних фильмах, всегда интересно, потому что в любой его роли есть тот осколочек современности, который выражается не в современном костюме и не в современной тематике фильма, а в отношении артиста ко времени.

Современность – понятие сложное. Это не только «сегодняшний день», но и история, взаимосвязь времени, понятий вечных и преходящих. «Повседневно-обычный», «такой, как все», «на улице встретишь и не узнаешь», – слова эти как особую заслугу адресуют артистам, играющим наших современников. Однако современность приходит не от внешности, не от манеры говорить и выглядеть, она рождается глубже, там, где надо понимать, чувствовать, осмысливать, а потом уже говорить и выглядеть.

Первой работой в кино у Леонида был фильм режиссера Захариаса «Город первой любви» (1970 г.). Филатов не любит вспоминать этот фильм, считая его неудачным дебютом в кино. Однако в этом фильме режиссером был использован интересный прием. Леонид рассказывал нехитрую историю первой любви своего героя прямо в камеру, зрителю. Своеобразная исповедь, где актер и герой слились воедино, как бы пренебрегая условностью искусства. Мы видим очень мо-

лодого человека, только входящего во взрослую жизнь. Перед нами не красавец – герой кино, а, скорее, антигерой, но что подкупает в этом лице, в этом наивном рассказе?

Обаяние 60-х годов, острое чувство современности, документальности, необычной, ершистой фактуры лица, одежды героя, манеры говорить, двигаться. Эта небольшая роль очень символична. Диалог артиста со зрителем с годами усложнился, личность актера обрела особое значение. Зритель шел на фильм потому, что там играл Леонид Филатов.

Многое определяет актерскую судьбу, не только внутренний потенциал актера, не только время, сделавшее его героем, но и, конечно же, сам процесс развития искусства.

XX век – век аудиовизуальной культуры, и любой актер, даже не снимающийся ни в кино, ни на телевидении, попадает под ее требования. Внешность актера, его пластика, манера игры определяются во многом этими законами. Особое значение обретает имидж актера. С этим явлением массовой культуры, культуры зрелища приходится считаться. У Филатова тоже есть свой имидж, который зритель любит и оберегает, возникший сразу после роли летчика Скворцова в фильме «Экипаж». Однако это только то, что является несколько упрощенным внешним выражением современного героя, глубинный же пласт, о котором мы уже говорили, определяет прежде всего личность артиста.

Сегодня нас захлестнула волна рок-культуры. Режиссеры, артисты пытаются осмыслить процессы, происходящие с мо-

лодежью. Казалось бы, время должно выдвинуть молодого, даже юного героя на киноэкран. Однако мы не теряем интереса к поколению, которому за сорок, к герою, который и по возрасту, и по образу мыслей и чувств отличается от молодежных лидеров. В поколении сорокалетних есть тайна, разгадав которую мы лучше поймем, что происходит с нами, с молодежью сегодня, когда возникли глубинные процессы «неверия», потери нравственных ориентиров. Сегодня мы во многом повторяем нашу, не столь отдаленную историю. Поколение, которое пережило оттепель, интересно нам и сегодня. Что с ним произошло, в чем драма его нереализации, почему наступило время застоя.

Есть и еще один важный момент, определяющий интерес к личности и творчеству Леонида Филатова. В конце 60-х годов прошлого столетия сложилось такое понятие, как русская интеллигенция, которая всегда жила особенно совестливо, ответственно... Филатов – представитель такой интеллигенции и на экране и в жизни. Сегодня понятие интеллигенции шире только лишь классового определения, это некое состояние души, культура человека. Тяга к такому герою у нас сложилась как бы исторически. Это в традициях нашей культуры. Именно через таких людей осмысливается наше прошлое и настоящее, и становится не важным возраст героя на экране, он может быть любым и выражать настроения как молодежи, так и старшего поколения.

В окружении друзей и коллег

Крой книги – артист Леонид Филатов, но есть еще один герой, как бы постоянно незримо присутствующий во всем, что делает артист, о чем думает, чем живет, – это Время, время его творчества, время его поколения, время его современников. Об этих героях и пойдет наш рассказ.

Судьба поколения

...Идут съемки фильма «Город Зеро» режиссера Карена Шахназарова. В главной роли Леонид Филатов. Я нахожусь в съемочном павильоне, который представляет грандиозный хаос времен. Необычные экспонаты: первые исполнители рок-н-ролла в нашей стране; римские легионеры. Более близкие моменты истории: портрет Хрущева, подарки города Зеро Леониду Ильичу Брежневу в связи с его 70-летием...

Снимаются сцены в краеведческом музее города Зеро. История, доведенная до фарса для того, чтобы мы лучше осмыслили себя сегодня. И давит время, которое собралось здесь в один день и час наперекор всей хронологии.

Из интервью с кинорежиссером Кареном Шахназаровым

«...Я с большим интересом всегда следил за Леонидом Филатовым, за его работами в театре, в кино. Он всегда вызывал у меня интерес и принадлежал к типу тех актеров, с которыми очень хотелось бы поработать, но у меня не было случая пригласить его до фильма «Город Зеро». В этой картине возникло желание поработать вместе. Я думал, что роль инженера Варакина, когда приглашал Филатова, может быть для

него интересна, хотя у меня было много опасений, связанных с тем, что у Леонида выработался стереотип яркого, неординарного героя, а инженер Варакин – самый что ни на есть обычный: “стертый”, незаметный персонаж... До этой работы я не был близко знаком с Леонидом, сейчас я благодарен судьбе, что она свела нас... С ним необычайно легко работать. С большими артистами всегда легко работать. Филатов – человек чрезвычайно творческий, эмоциональный... Во время работы я для себя не разделяю профессиональные и человеческие качества артиста. В кино ты встречаешься с человеком на длительный срок и для тебя важны все его качества, которые аккумулируются в процессе работы и в конечном счете влияют на картину. На съемках мы с Леонидом как-то очень близко общались. Меня он просто обаял. Это удивительно тонкий, интеллигентный человек. Я открыл его для себя и нахожусь под большим впечатлением нашего с ним общения...

– *Ваше мнение о театральных работах Леонида?*

– ...Я видел его в театре в основном в 70-е годы. Леня еще был в тени более старших и знаменитых артистов. Работы в театре были не те, по которым его можно было как-то отметить, выделить... Потом я отошел от Театра на Таганке... Я хорошо запомнил Леонида по его телевизионным работам. Он писал сценарии для телеспектаклей и играл в них. Думаю, не я один заметил его именно тогда. Он был очень интересен в этом телевизионном сериале, как бы принес героя на экран.

Вообще, что такое Филатов как явление, с чем связана его действительно очень большая популярность? Он несет в себе определенный тип героя, который нужен сегодняшнему дню, который совпадает с желанием зрителя видеть, иметь такого героя. Это появилось в телеработах и развилось в дальнейшем творчестве...

– Какая работа в кино Филатова, по вашему мнению, наиболее полно раскрыла его возможности?

– Я думаю, у Леонида не было еще работы, которая в полной мере раскрыла бы его возможности даже на 50 процентов... Он несет в себе гораздо больше, чем заложено в драматургии тех ролей, которые он играл и играет... Беда такого класса артистов, что они иногда до конца дней своих не могут себя реализовать, найти такой материал, который наиболее полно их раскроет. Хотя это их не ущемляет, они несут в себе образ времени, и многие из них, в том числе и Филатов, как бы ни сложилась их дальнейшая судьба, в основном сделали свое дело... Я думаю, Леонид потому так энергично параллельно с кино и театром работает в литературе, что его личные возможности во многом еще не реализованы. Эта потребность писать – от недосказанности. Творческий потенциал Филатова очень высок, и в существующих рамках ему тесно. Леониду нужны другие формы, он желает другого выхода, в котором он также необычайно талантлив. На мой взгляд, у него хорошо получается писать, а не только играть.

– Вы принадлежите к молодым режиссерам нашего

кинематографа, Леонид же сформировался в 60-е годы. Есть ли в связи с этим какие-то трудности в совместной работе?

– Сегодня, безусловно, кино другое, чем в 70-е годы. Это не значит, что я как режиссер жил вне существующих традиций. Просто сегодня уже другое время. Леонид в большей степени принадлежит 60-м годам, но он необычайно гибок, способен воспринимать современные тенденции в искусстве и в жизни... Это во многом рождается и от актерской профессии, когда в какой-то момент ты должен сыграть то, что не совпадает с твоей личностью. Лицедейство в хорошем смысле слова.

– Чем для вас является актер, какую роль вы отводите ему в процессе создания фильма?

– Для меня актер в значительной степени соавтор. Я выбираю актера в момент утверждения его на роль. Как только он утвержден, я подчиняюсь артисту, как и он мне. В чем-то подстраиваюсь под его индивидуальность. Артист – живой организм, он всегда богаче любых схем, которые ты можешь умозрительно придумать... Я никогда не знаю, как я буду снимать сцену, пока вместе с актерами не выйду на съемочную площадку и не увижу все своими глазами. Важен “живой” момент в работе. Я жду от актера всегда прибавления в работе и стараюсь “вытащить” из него как можно больше того, что может он нового привнести в фильм. В чем прелесть работы с большими мастерами, к которым относится Леонид? Они понимают тебя с полуслова. Удивительная

чуткость, интуиция. Им не нужно много слов о роли, показов. Они очень конкретны в работе.

– *Влияет ли количество дублей на игру Филатова, на конечный результат, который мы видим уже на экране?*

– Актер всегда работает лучше первые два дубля, в том числе и Леонид».

...«Город Зеро»... Город ноль. Что значит – ноль? Пустота? Точка отсчета или, может быть, начало, а может, и конец? То и другое. Как белый цвет, который впитывает в себя все цвета и становится началом начал. А может быть, это что-то вроде детства человека. Как осмыслить детство, как осмыслить свое начало? Сложно. Можно вернуться к нему, вернуться в зрелости. «Где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему (детству)», – писала Анна Ахматова. Что есть магическое в начале? Что заставляет нас возвращаться?..

В перерывах между съемками мне предстоит разговор с Леонидом Филатовым на трудную тему – его детство и юность. В него надо вернуться, как в историю своего поколения... Вспоминать о детстве сложно. Оно предстает перед нами в ускользающих образах-настроениях. Иногда помнишь совсем не главное, казалось бы, мелочи, которые видишь отчетливо, почти до физического ощущения места и времени. Самое обидное, что воспоминания о детстве, материализуясь в словах, теряют, к сожалению, всю поэ-

тичность невысказанности, делаются незначительными, сентиментально-грустными пустяками, которых порой стесняются. Так значительны эти воспоминания в душе каждого взрослого, пока не переходят границы реальности слов. Филатов вспоминает свое детство и юность без стройной хронологии, избирательно: где факт, где образ, где ощущение... Образ детства и города, в котором жил, слились воедино.

Леня Филатов с мамой – Клавдией Николаевной, папой – Алексеем Еремеевичем, дедушкой – Никифором Григорьевичем, бабушкой – Устиньей Тихоновной

Родился Леонид в Рождество, в 1946 году, в городе Казани. Отец был геологом. Семья кочевала из города в город, вскоре после рождения Леонида – опять переезд. Собствен-

но, с города Ашхабада и начинается памятливая жизнь Леонида. Здесь он пошел в первый класс, здесь же и окончил школу-одинадцатилетку. Надо учитывать тогдашний нравственный климат, социальный срез южного города, такого, как Ашхабад, удаленного от всех транзитов. Своеобразный Вавилон – там жили турки, армяне, азербайджанцы, русские. Город благодаря своей близости к границе был достаточно «снабжен» уголовными элементами. Его атмосфера не могла не сказаться на жизни Леонида. Он жил около нового университета, но ходил лупить «представителей» старого университета. Это были не какие-то банды, а просто, как часто бывает в 16–17 лет, кто-то кого-то где-то обидел, и шли защищать. В то же время Леонид со школьными друзьями увлеченно ставил спектакли в школе, репетировал, писал стихи. Создавался двойственный мир, который казался ему тогда вполне органичным. Сейчас, вспоминая то время, он не может понять, как могли уживаться вместе участие в каких-то драках, никчемная, глупая жизнь и увлечение поэзией, – уже тогда он «терся» при газете, делал переводы, публиковался.

Гёзы

Слышите «охи»? Слышите «ахи»?
Это для гёзов строятся плахи.
Солнце лучом нам прощальным машет,
Стонет земля похоронным маршем.
Эй, не робейте!
Пойте и пейте!
Не умереть после смерти сумеите!
Нашим грехам индульгенций не хватит,
Гёз за прожитое жизнью заплатит.
Эй, голенастый В робе цветастой!
Выпей ты с нами! Выпей за нас ты!
Кружится все разноцветной мозаикой;
Море в неводе солнечных зайчиков,
Солнце, земля и небо, за руки
Взявшись, крутятся в пестрой мозаике.
Солнце в бокалы
Луч свой макало,
Пенилось солнце в прозрачных бокалах.
Пенилось, билось, бурлило игриво,
Словно шипучее золото пива,
Пенилось весело, пенилось грозно.
Грозно, как кровь неотмщенного гёза.
Эй, не робейте!
Пойте и пейте!
Не умереть после смерти сумеите!

Л. Филатов, 1963 г.

Хотел ли он быть в то время актером? Нет. Собирался стать кем угодно, только не актером. Однако уже были сыграны первые роли в школьных спектаклях. Началось все с исполнения одного из героев, теперь уже трудно восстановить кого именно, в спектакле «Кошкин дом». Потом роль Тома Сойера. Сопутствующий образ тех дней – мама, которая прячется за колонной и плачет, когда видит своего сына на школьной сцене. Мама Леонида расскажет, что Леонид учился хорошо, любил рисовать иллюстрации к маленьким книжечкам, которые сам писал и раздавал ребятам во дворе.

Он научился читать, когда тихо сидел рядом с соседом-школьником и смотрел, как тот делает уроки. В детстве Леонида, как, наверное, во всяком другом, есть и случайное, и закономерное. Он попал в хорошую школу, к хорошим учителям, в газету, в драмкружок. Его окружал мир интеллигентной провинции с ее цельностью, а главное, с ценностями. Все это привило вкус к особому душевному состоянию – к творчеству.

Пятидесятые годы – время, когда родители больше доверяли школе, искренне верили в учителя как первого и главного воспитателя. Не было телевизоров в каждом доме, избытка информации. Дети росли более самостоятельными и, видимо, более ответственными. Юность этих детей приходится на 60-е годы. Послевоенное поколение... Что сужде-

но было им сделать? Сейчас им за сорок-пятьдесят. Это расцвет и зрелость, а может, усталость, измотанность временем и невозможностью себя реализовать...

Весенний этюд

И ветка в темноте хрустит
и гнется,
И громоздятся сонные грачи,
И разом все невидимые
гнезда
Тревожно зажигаются в ночи.
Чердачный кот неряшлив
и печален,
С усталой морды стряхивает
сны,
Бредет смешной и
маленький, как Чаплин,
В индустриальном грохоте весны...

Л. Филатов, 1965 г.

Лет с пятнадцати Леонид довольно регулярно печатался в местной газете «Комсомолец Туркменистана» без всяких снисходительных рубрик «Стихи молодых» или «Дебют».

Вот как об этом вспоминает мама Леониды Клавдия Николаевна

«Первое опубликованное Ленино стихотворение “Колино призвание” именно в этой газете. Когда он

увидел, что его стихи напечатали, ну неимоверная радость была. А потом он получил вдруг гонорар. И этот гонорар настолько его поразил, настолько это было неожиданно — и для всех нас, для всей семьи... но он пытался как-то использовать эти деньги для всех нас. Мне он подарил духи, моему брату Юре подарил несколько билетов в театр, себе купил билеты в кино, а бабушку спрашивал: “Бабуся, тебе нужны деньги?”

Она сказала: “Конечно нужны, ну как же не нужны?”

Вот остаток этого гонорара он дал бабушке на хозяйственные расходы».

Чуть позже, в 17–18 лет, занялся переводами, но в основном писал собственные стихи. С поэзией связано все его детство и юность. В газету, которая во многом определила его судьбу, Леонид попал почти случайно. Как часто бывает в таких случаях, мама, собирающая все тетради со стихами сына, решила их показать поэту Юрию Рябину, который работал в местной газете. С этим человеком Леонида свяжет дружба на долгие годы. В то время Филатов писал басни, по его мнению, «чудовищные по своей направленности и лишённые хотя бы грамма таланта...». «Меня извиняло только то, что все-таки я учился в 4-м классе», — вспоминает он. Однако, в отличие от Леонида, Юрий Рябинин увидел в этих баснях проявление таланта, и вот появились на страницах газеты две басни ученика 5-го класса. Конечно же, это событие было гордостью мамы и, по мнению Леонида, «мощная стимуляция его графомании». Вот одна из басен, удивитель-

но впитавшая в себя установки тех лет, которые воспринимаются теперь как пародия. Когда Леонид читает свои басни, он не может удержаться от смеха.

Домашнее задание и Колино призвание (басня)

Мама папе говорит:
«Коле путь везде открыт!
Пусть актером Коля будет,
Через сцену выйдет в люди!
А потом, быть может скоро,
Станет кинорежиссером.
Я заметила давно:
Часто ходит он в кино!»
Отвечает папа: «Коле
Нужно быть в авиашколе.
Пусть помажет руки в масле...»
Мама крикнула: «Ужасно!
Алексей! Ведь это вроде
Как работать на заводе!»
Тут вмешалась тетя Тома:
«Коля будет агрономом!»
«Не болтайте, право, что ли!
Будет шофером наш Коля!
Станет ездить на “Победах”...»
Вдруг на эти крики деда
Бабушка, присеменила:
«Коля – шофер? Вот чудило!

Не согласна нипочем!
Станет Коленька врачом!»
Не знаю, чем кончилось это собрание,
Быть может, доньне идет пререkanie...
Одно лишь могу вам сказать пока:
Я этого Колю видал у станка.

Леня Филатов, ученик 5-го класса Аишхабадской школы № 6

Нашу беседу прерывает очередная подготовка к съемкам, на которых Леонид четок, собран, я бы сказала, предельно дисциплинирован. Он не опаздывает на съемочную площадку, его не приходится искать по коридорам студии. Слова Карена Шахназарова «с ним удивительно легко работать» в первую очередь относятся к одаренности, профессионализму артиста и, конечно же, к его необычайной собранности на съемках. Роль инженера Варакина Леонид играет почти без грима: чуть припудрили лицо, чтобы не блестело под юпитерами, капнули в глаза какую-то гадость, говоря, что это необходимо, – вот и весь грим. Суета съемок для Леонида – состояние наивысшего комфорта, хотя он ужасно устал, плохо себя чувствует, но именно на съемках, в работе испытывает чувство равновесия. Истинный покой, без суеты, без бесконечного процесса творчества, поиска, для него был бы просто адом, непреодолимым испытанием...

Разговор о детстве продолжается. «...В фильме “Грачи”, – говорит Леонид, – есть такая сцена, где упоминается Эдик

Хачатуров. Тогда ты поймешь, как говорят в Ашхабаде. Медленно... не то чтобы агрессивно, нет. Именно юг, юг русскоязычный, он говорит на странном жаргоне. Не поймешь, что за акцент, то ли армянский, то ли туркменский... В городе существовало братство, никаких национальных проблем я не видел, не чувствовал...»

Люди, которые окружали Леонида в газете, куда он ходил почти каждый день, были для него больше чем воспитателями, они были – друзьями. «...Юрий Рябинин, который даже и не знал, какого класса он поэт на сегодняшний день, – вспоминает Леонид, – человек откуда-то из России, занимался переводами, выпустил несколько книжек своих стихов. В 70-е годы Юра трагически погиб... Потом погиб Олег Калмыков – замечательнейший человек, книгочеловек невероятный... Образованности такой, какой только может быть интеллигент настоящей провинции. Совсем еще молодым человеком он был проректором Туркменского университета. Несчастный случай – и его не стало... Мой поэтический учитель Эдик Скляр отличался удивительным литературным вкусом. Маленький, блондинистый, синеглазый человек. Похоронил свою молодую жену и не смог этого пережить... Страшные истории, но при всем при том – это люди моего детства, очень много сделавшие для меня...

Школьные годы. Леня с мамой

Школьные годы. Леня с мамой

В газете я понял, что самые бескорыстные люди – это, конечно, провинциальные газетчики, и особенно южные. Там одна ковбоечка, одни сандалии чудовищного канареечного цвета – и остальное неважно, человек шлепает в этом года три-четыре. Поэтому любые малые деньги, 20–30 рублей за какую-то публикацию, за подборку стихов, тратились на пиво с друзьями. Я не видел, чтобы кто-то особо пьянствовал

из газетчиков. Пили пиво... Жара чудовищная. К пиву – либо подсоленный горошек, либо еще какая-нибудь ерунда, либо горячие манты. И пиво, пиво, пиво... Вот за пивом бесконечные разговоры только о поэзии, о кино, о том, что в Москве. Бесконечные прожекты. Кто-то пишет повесть, кто-то пишет рассказ. Этот рассказ не пропустили, и так далее... Собственно, воспитывался я этими бескорыстными людьми, в общем нищими с точки зрения финансов, но замечательными товарищами. Казалось бы, чего им водиться с пацаном, я даже по возрасту им не подходил. Это время надолго осталось в моей памяти... Так что вот что такое город Ашхабад...»

Сразу после выпускного бала Леонид выехал в Москву с целой группой своих товарищей. Почти все собирались поступать в гуманитарные вузы. Леонид мечтал о режиссерском факультете ВГИКа, но, правда, режиссуру Леня представлял себе чисто умозрительно: это как бы какой-то «главный, мужского облика человек, который ставит кино». К экзаменам Леонид подготовил прозаический отрывок, а также стихи, которые сочинил сам, и решил прочитать их под другой фамилией. Вместо басни использовал случайно купленную в Москве книжечку Феликса Кривина. Таким образом подготовка была завершена для поступления на режиссерский факультет. До экзаменов оставалось еще полтора месяца, а деньги, выделенные мамой, уже были на исходе, к тому же для поступления на режиссерский факультет ВГИКа, как

оказалось, необходимо было иметь трудовой стаж, которого у него не было, и еще нужна была режиссерская разработка, о необходимости которой он тоже не подозревал. Ребята, приехавшие вместе с Леонидом в Москву, звали его поступать вместе с ними в театральное училище. Леонид решил попробовать. Юные максималисты быстро определили, что самое лучшее училище – это, конечно же, Щукинское, там учатся Никита Михалков, Настя Вертинская, что было определяющим моментом, и всем гуртом повалили в Щукинское училище.

В это время в Москве проходил кинофестиваль, на который Леонид ходил каждый день и благодаря которому экзамены в училище прошли как бы между прочим.

Так складывалось, что Леонид приходил на приемные экзамены ближе к вечеру, когда все апокалиптические картины дня уже были на исходе, народ расходился. Около дверей толпилось каких-нибудь 30–40 человек. Комиссия прослушивала Леонида и предлагала ему прийти на следующий день к вечеру.

«Если бы я хоть раз пришел утром, – вспоминает Леонид, – возможно, моя впечатлительная натура была бы смущена и вряд ли бы я пришел на следующий экзамен. А так у меня был совершенный покой и провинциальная наглость. Я считал, что все идет как надо». Так, посещая параллельно кинофестиваль, проходит Леонид тур за туром все вступительные экзамены и, единственный из всей компании, по-

ступает в училище. Судьбу решил не искушать и остаться в театральном, а в город Ашхабад маме полетела телеграмма о том, что он принят на актерский.

В Москве – лето, стоит жара, прямо пекло. В павильонах «Мосфильма» прохладно. Леонида зовут на съемочную площадку. Опять погружаемся в загадочный мир фильма «Город Зеро». То снимают массовку – легионеров, то пионеров, то ветеранов, то не так вымыли полы в павильоне, то партнер по роли перепутал текст, то одно, то другое. Леонид хоть и звезда советского экрана, но умеет терпеливо ждать своей очереди. Пока его готовят к дублю, читаю сценарий будущего фильма, начало которого простое и ясное: «Железнодорожная станция. Раннее утро. Из поезда вышел мужчина с чемоданчиком в руке, лет 45, невысокого роста, довольно крепкого сложения...»³ Даже внешне крепыш-инженер не вяжется с нервным, импульсивным обликом Леонида Филатова.

«С одной стороны, мне нужен был очень обычный, стертый персонаж, – расскажет несколько позднее Карен Шахназаров, – но с другой, – в кинематографе есть своя тайна: тебе нужен неприметный человек, ты берешь такого, как бы выполняя задачу своего замысла, но он настолько неприметен, что получается обратный эффект. Зритель теряет интерес к

³ Бородянский А., Шахназаров К. Город Зеро / Литературно-художественный альманах. Киносценарии. М.: Госкино СССР, 1988. № 3. С. 142.

герою, который просто не в состоянии удержать его внимание в течение полутора часов, и ты губишь свой замысел. Надо точно найти артиста, именно крупная актерская личность может сыграть неприметного человека!»

Традиционно начало фильма: завод, командировка героя за недостающими запчастями. На этот раз сложности с задней стенкой кондиционера. Рождается конфликт до боли знакомый: дадут – не дадут герою необходимые детали для его завода. Судя по всему, нас ожидает фильм на производственную тематику с элементами лирики, но неожиданность: секретарь директора завода сидит за своим рабочим столом абсолютно голая! Герой удивлен, удивлен и зритель. Невольно вспоминается рассказ Тэффи, где юная писательница для шарма, которого от нее требовал незадачливый издатель, сделала всех своих героев голыми, чтобы привлечь внимание читателя. Может, и здесь такая же попытка, все-таки как-то легче пойдут вопросы производства, если кто-то голый. И вот герой Филатова, традиционный как сама традиционность, с портфелем, в сером плаще, с унылой физиономией идет обедать в ресторан, и опять неожиданность: ему приносят на десерт его же собственную голову в виде торта...

Что происходит на экране? Абсурд... Гротеск... Авангард... Эксперимент... В какой-то мере всего понемногу. Можно спорить, что удалось или не удалось в фильме, но бесспорно: фильм – талантливая, оригинальная попытка

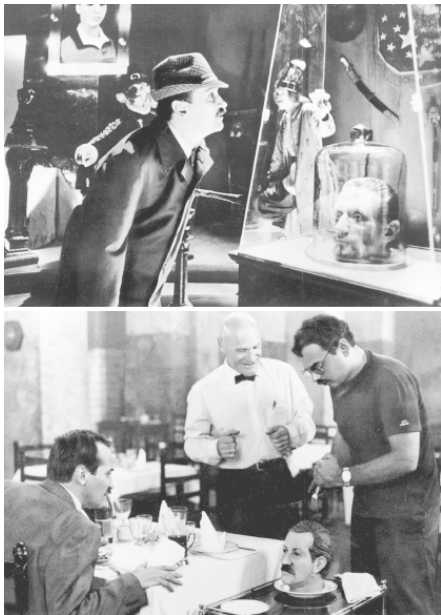
осмысления истории нашего общества, времени сегодняшнего и вчерашнего. Язык фильма необычайно современен, и не в смысле ежеминутной моды, а в масштабе искусства XX века, интересны временные, пространственные построения в фильме, которые не самоцель, а принцип видения, размышления, разговора...

Роль Филатова в фильме «Город Зеро» – одна из последних работ актера в кино. Леониду интересен был сценарий «Города Зеро» и необычайный подход к осмыслению истории, хотя он заранее знал, что роль Варакина для актера невыигрышная, знаковая, статичная, в ней нет особого психологизма, который и не требуется для этого фильма. Варакин, в отличие от предшествующих работ актера, лишен острой индивидуальности, личностного начала, он своеобразный антипод героев Филатова.

Варакин – обычный, рядовой человек, живущий по принципу «не высывайся». Он – не плохой и не хороший, он – никакой, а профессия у него – инженер, что стало своеобразным стертым признаком принадлежности мужчин к некоторым техническим делам. Он не привык что-либо выбирать, решать, быть сопричастным. И вдруг столько свалилось на него сразу. Варакина втягивают во всё новые и новые, непонятные ему и навязанные человеческие связи и события: то он чей-то сын, то он присутствует при странном убийстве... Вот уж поистине все в мире оказывается взаимосвязанным. И в истории тоже: если бабочку прихлопнули на заре чело-

вечества, то мы сегодня не досчитываемся слона, а если нас долго держали в страхе и лучших из нас уничтожили, то сегодня наши герои – инженеры Варакины. Горькая ирония, гротеск происходящего заложен во всем: в сюжете, в китчевой стилистике фильма, в образе Варакина, в манере игры актеров... Герой охвачен единственным желанием – бежать в конкретный мир из города, в котором его с кем-то перепутали, не за того приняли. Но как сбежать от времени, как сбежать от своей истории, которая мстит за непричастность, за инертность и незнание...

«Вы никогда не уедете из нашего города», – скажет Варакину маленький мальчик, сын обычного электрика, в чьем доме остановился Варакин на ночлег. «Вы никогда не уедете отсюда, – повторит мальчик, – и будете похоронены на городском кладбище». Есть от чего похолодеть. И героя Филатова охватывает ужас, который усугубляется обыденностью всего происходящего. Весь фильм пронизан гофмановской чертовщиной, когда одно и то же событие реально и ирреально, когда охватывает ужас в момент проникновения в особую тайну связи времен и событий. Филатов прекрасно передает то чувство «жути». Герою и шелохнуться-то лишний раз страшно. Он застывает, пораженный внезапным открытием, как это было перед портретом Патрика Дювалье, основоположника города Зеро, о чьей исторической миссии не подозревают случайные хозяева портрета.

Кадры из фильма «Город Зеро». 1988 г.

В эпизоде, когда герой смотрит на портрет Патрика, во взгляде актера возникает глубокая, пронзительная мысль – как все взаимосвязано!.. Как, казалось бы, миф, ирреальность, то, во что ты не верил, приобретает реальные черты. Переворачивается твое сознание. Однако двойственность, многомерность происходящего, то, что прекрасно чувствовал и играл Филатов, не всегда подкреплялось в полной мере всеми остальными компонентами фильма. Исчезала лег-

кость игры в условном мире, который рассыпался, так как не выдерживалась стилистика, вернее, не была найдена создателями фильма. Это приводило к неточности в ощущении и понимании времени, а порой к тому, что не прочитывалось задуманное авторами. Редко происходило чудо попадания в цель. Исчезала многомерность события. Роль Варакина, как и все остальное, делалась мельче. История в фильме подается как китч, поэтому авторами используются самые стереотипные, примитивные знаки времени. В городе Зеро есть большой краеведческий музей, но и сам город – своеобразный музей, где, как в Ноевом ковчеге, «каждой твари по паре» и где экспонируются определенные модели человеческих отношений. И вот когда все герои фильма, обитатели Ноева ковчеге, идут к дубу – символу власти, под которым сидел когда-то сам Дмитрий Донской (дуб этот, правда, давно сгнил, хоть и находился с 1917 года под охраной государства), в этот момент Варакин пытается бежать из города в очередной раз... Замкнутый круг истории: нельзя сбежать от себя, от действительности. Символичен финал фильма. Побег героя кончается тем, что он плывет в лодке без весел. Лодка без весел – известный символ восточной культуры, где человека определяет мир, природа, история, а действия героя – вторичные, производные. Весла ему не нужны, его путь определяет течение. Этот символ использован в фильме скорее как невозможность физическим, материальным путем покинуть духовное пространство времени и истории...

«Течение выносит лодку на середину реки. Варакин ложится на дно и, заложив руки за голову, смотрит в высокое хрустально-голубое небо»⁴

⁴ Бородянский А., Шахназаров К. Город Зеро / Литературно-художественный альманах. Киносценарии. М.: Госкино СССР, 1988. № 3. С. 152.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.